Сконденсируй, авторизуй, дестабилизируй это: мультиперспективизм и стратиграфия

СТЕПАН КОЗЛОВ

Исследователь, Лаборатория виртуальной реальности, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН).
Адрес: 125009, Москва, Газетный пер., 3–5. E-mail: ste.kozlov@gmail.com.

Ключевые слова: метафора; перспективизм; мультиперспективизм; стратиграфия; онтокартография; концепт; система концептов; темная экология; агентность; несводимость.

Статья представляет собой упражнение в мультиперспективистском анализе метафор и одновременно попытку теоретического обоснования возможности такой процедуры. Спекулятивно-реалистический мотив «децентрированной мысли», наиболее четко схватываемый в проекте темной экологии Тимоти Мортонa, имплицитно предполагает тематизацию и проблематизацию «центра» системы концептов, точки, делающей воспроизводимый ею порядок порядком — устойчивой и стабильной картиной возможного мира. Обращение к теории метафоры позволяет зафиксировать это напряжение, характеризующее отношения не между философской теорией и «внешним миром», но между системой концептов и самой возможностью существования упорядочивающей ее инстанции. Одновременно решаются две задачи: во-первых, реконфигурация понятия «центра» системы концептов за счет вписывания в него метафоры, во-вторых, реконцептуализация самой метафоры как инстанции производства порядка и (что важнее) беспорядка в теории посредством

перепрочтения проблемы Анкерсмита — наделения метафоры способностью действовать и выделения базовых режимов ее агентности. Для тестирования и иллюстрации такой мультиперспективистской позиции в статье используется конфликт метафор, связанный с трансфером концепта чужой феноменологии Йена Богоста в систему Леви Брайанта.

Заключительная часть статьи посвящена детализации проекта мультиперспективистской стратиграфии (еще не существующей исследовательской программы, которая превратила бы метафору в объект и средство описания и объяснения), а также картографированию точек неопределенности, преодоление и прояснение которых сделало бы стратиграфический проект возможным. Почему Чужой побеждает Технику? Что не так с перспективизмом? Как возможна история метафор, если сами темпоральные режимы выступают эффектом их работы? Как метафоры могут действовать? Прояснению и детализации ответов на эти и иные вопросы и посвящена эта статья.

xxx: тук-тук!
ууу: кто там?
xxx: стратиграф.
ууу: чего надо?
xxx: кто там?
ууу: alien.

Мультиперспективистский анекдот

В ходе повествования Мортон проявляет поразительную открытость, интегрируя в децентрированную «экологическую мысль» множество дискурсов, от дарвиновской теории эволюции до литературы романтизма и трудов по кибернетике. Они составляют и «экологическую мысль», и мышление как таковое: оно само оказывается экологическим¹.

ЭТО замечание Питера Граттона в его рецензии на «Экологическую мысль»² Тимоти Мортон заставляет сделать шаг назад и задаться вопросом: *как возможна децентрированная мысль?*

Децентрированная мысль волнует нас здесь в той мере, в какой децентрированной может оказаться система концептов. Уточним вопрос: может ли теоретическая схема, описывающая децентрированный мир (акторно-сетевая теория, темная экология или онто-картография), сама оказаться децентрированной и как эту *децентрированность* можно было бы описать? В конечном счете не так важно, какой именно мир *различает* система концептов — централизованный или децентрированный (характер этого противопоставления еще предстоит уточнить). Исходный вопрос можно было бы сформулировать так: какую систему концептов можно обозначить как децентрированную?

Необходимо зафиксировать это противопоставление, возникающее между системой концептов и миром. В случае темной

1. *Gratton P.* The Ecological Thought by Tim Morton // *Speculations*. 2011. № 1. P. 199.
2. *Morton T.* The Ecological Thought. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2010.

экологии Мортон оппозиция мира и языка его описания играет если не главную, то во всяком случае заметную роль: само разворачивание системы концептов темной экологии может быть прочитано как история смещения оптик, превращения важного в неважное и наоборот. Так, прагматизируя категорию возвышенного, Мортон пишет: «...в экологическую эпоху *мы нуждаемся*³ в объектно-ориентированном возвышенном»⁴. А одна из ключевых ставок диалогии «Экология без Природы»⁵ и «Экологическое мышление» заключается в попытке трансформации познавательного фона современности и переходе от фигуры «Природы» к фигуре «экологии». Такие переходы совершаются осознанно и составляют одно из важных отличий лозунгов темной экологии от лозунгов других проектов спекулятивного реализма. В то время как Грэм Харман и Квентин Мейясу пишут о необходимости создания «точной карты мироздания»⁶ или «необходимости примирения мышления и абсолюта»⁷ и, шире, примирения науки и посткантианской философии, темная экология говорит: *мы нуждаемся* в новых категориях мышления — экологический кризис уже здесь, мир уже погиб, и с каждой минутой эта ситуация становится все очевиднее⁸.

Таким образом, темная экология — это не только руководство к действию, красивая философская система или источник вдохновения в современном искусстве; это также проект *прагматической эпистемологии*, чертеж системы концептов, которая сделала бы различимым что-то не схватываемое уже существующими наборами различений, навязывающее себя из-за пределов привычных нам категорий, но оттого не менее реальное. Одна из ее целей состоит в трансформации перспективы читателя, имплементации внутренней логики темной экологии как философской системы в мир и через это — создание *различения* как такового.

Так, язык темной экологии выходит за пределы строго логической аргументации: отказ от закона непротиворечия, декларируемый Мортоном в «Магии реалистов», предполагает, что такая

3. Курсив здесь и далее мой. — С. К.

4. *Idem.* Sublime Objects // Speculations. 2011. № 2. P. 227.

5. *Idem.* Ecology Without Nature. Rethinking Environmental Aesthetics. Cambridge: Harvard University Press, 2007.

6. Харман Г. Четвероякий объект: метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Гиле Пресс, 2015. С. 142.

7. Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. С. 194.

8. *Morton T.* The Ecological Thought. P. 1.

эпистемическая трансформация может быть произведена только за пределами формальной логики⁹. В то же время некоторые способы реинтерпретации связи между деконструкцией Деррида и темной экологией показывают, что убедительность последней в описании демократии нечеловеков достигается за счет смены метафорических фигур, фундирующих концепт Другого в случае деконструкции и гиперобъекта в проекте Мортон (от «Другого как еврея» к «Гиперобъекту как атомной бомбе»)¹⁰.

Как эту различающую способность описать и эксплицировать? Как система концептов может быть упорядочена и, в этом смысле, централизована? Что делает системы концептов достаточно стабильными для производства когерентного и перформативно эффективного — делающего какие-то различия частью мира повседневности или ставками философских конфликтов — описания или объяснения, не позволяя им коллапсировать в хаос белого шума или в тишину черного, делая *что-то*, но не *все* различимым и реальным? Иными словами, что позволяет интегрировать в философскую систему «множество дискурсов», сохранив ее консистентность и породив «децентрированную мысль»? Один из возможных вариантов ответа на этот вопрос — обращение к теории метафоры: концептуализации последней в истории мысли часто оказываются концептуализациями организующего мышление начала, придающего научной или философской системе концептов однозначность и определенность. Мы здесь не будем реферировать такую точку зрения. Далее попытаемся показать, что продукт работы метафоры в мысли может оказаться не только однозначным и определенным, но также и хаотичным и контингентным.

О космических кораблях и неоднозначности

Реферируя Блэка и схлопывая трансценденталистский и метафорический способы мышления (или, по крайней мере, устанавли-

9. «Они [объекты] „закрыты“ — зебра не является жирафом — и в то же время не закрыты — они включают в себя вещи, которыми сами не являются... Быть вещью — значит столкнуться с противоречием» (*Morton T. Realist Magic: Objects, Ontology, Causality*. Ann Arbor: Open Humanities Press, 2013. P. 28–29).
10. Подробнее о трансформации различительных фигур темной экологии см. статью Алексея Воронкова «Темная экология между письмом и инаковостью» в настоящем номере «Логоса», на наш взгляд являющуюся примером мультиперспективистского письма.

вая их предельное сходство), Франклин Анкерсмит обращается к метафоре Земли как космического корабля¹¹. Ею он иллюстрирует два тезиса. Первый — способность трансцендентального субъекта организовывать мир, не открывая исследователю своей сущности и давая ему доступ только к своим предикатам, гомологична способности метафоры производить различие в мире, всегда оставляя в нем что-то, что не может быть объективировано средствами этой конкретной метафоры, ее «мертвую зону»¹² или «организующий центр»¹³. Второй тезис — и метафора, и трансцендентализм сущностно схожи; и то и другое «делает иное знакомым»¹⁴, превращая неизвестное в известное, производя познавательную конфигурацию, которая *позволяет предпринять хоть что-то*, через это поставляя мышлению ресурсы, без которых попросту невозможно было бы начать хоть какое-то познавательное движение.

Судя по всему, Анкерсмит упускает здесь множественность картин мира, которые способна породить только метафора, в отличие от кантовского трансцендентального субъекта (а Анкерсмит пользуется кантовским определением¹⁵), в отношении способности воображения пользующегося эмпирическим законом юмовской причинности¹⁶. Согласно ему представления, связан-

11. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-традиция, 2003. С. 82.

12. Там же. С. 82.

13. Там же. С. 83.

14. Там же. С. 84.

15. «Вспомните, как Кант определил трансцендентального субъекта...» (Там же. С. 83).

16. «Представления, часто следовавшие друг за другом или сопровождавшие друг друга, в конце концов ассоциируются и вступают в такую связь, что даже и в отсутствие предмета одно из этих представлений производит в душе переход к другому представлению согласно постоянному правилу. [Это не более как эмпирический закон,] однако этим законом произведения предполагается, что сами явления действительно подчинены такому правилу и что в многообразии их представлений есть сообразные известным правилам сосуществование и последовательность, без этого наше эмпирическое воображение не получало бы ничего для деятельности, сообразной с его свойствами, и, следовательно, оставалось бы скрытым в недрах души как мертвая и неизвестная нам самим способность. Если бы киноварь была то красной, то черной, то легкой, то тяжелой, если бы человек принимал образ то одного, то другого животного, если бы в самый длинный день [в году] земля бывала то покрыта плодами, то льдом и снегом, то моя эмпирическая способность воображения не имела бы даже и повода воспроизводить при представлении красного цвета тяжелую киноварь; точно так же, если бы известное слово обозна-

ные отношениями фактического следования, рано или поздно ассоциируются друг с другом, и система таких ассоциаций составляет однозначную картину мира. Картина мира, создаваемая ими в воображении, однозначна и представляет собой сложную предданную эмпирическую конфигурацию объектов мира, их свойств и взаимоотношений. Таким образом, применительно к воображению организующая способность трансцендентализма предполагает однозначность и непротиворечивость отношений субъекта и предиката: согласно эмпирическому закону, киноварь мыслится красной, а самый длинный день года — жарким.

Если эта связь верна, то именно в этом пункте трансцендентализм расходится с метафорой и именно в этом кроется секрет ее несводимости. Если трансцендентальный субъект организует мир *однозначно* (это относится не только к способности воображения, но и к логической консистентности всеобщих понятий пространства и времени¹⁷ и к интеллигибельному в отношении всех разумных существ однозначному представлению о мире), то метафора организует мир в качестве *множественности противоречиво соположенных картин мира*. Проясним этот тезис.

По версии Анкерсмита, метафора Земли как космического корабля

... призывает к весьма специфической организации наших знаний об экосистеме: эта организация должна быть такой, чтобы знания разъясняли уязвимость данной системы... [эта метафора] организует наше знание этих аспектов мира таким способом, чтобы позволить нам сделать этот мир лучшим, более безопасным местом для нас и наших детей¹⁸.

Откуда Анкерсмит черпает убежденность в однозначности такой интерпретации, согласно которой порождаемая этой конкретной метафорой познавательная классификация *весьма специфична* — настолько, что ограничивается тезисом об уязвимости нашей экосистемы? Разве метафора Земли как космического корабля — если мы принимаем анкерсмитовскую идею о мета-

чало то одну, то другую вещь или если бы одна и та же вещь называлась то так, то иначе, без всякого правила, которому бы подчинялись сами явления, то [при этих условиях] не мог бы происходить эмпирический синтез воспроизведения» (*Кант И. Критика чистого разума* / Пер. с нем. Н. О. Лосского. М.: Наука, 1999. С. 134–135).

17. Там же. С. 99–100.

18. Анкерсмит Ф. Р. Указ. соч. С. 83–84.

форическом напряжении как об отношении понятий¹⁹ — не содержит в себе в качестве своего уточнения метафору Земли как *очень быстро* космического корабля, которая смещала бы фокус внимания с уязвимости экосистемы на сверхмалый масштаб человеческой цивилизации в сравнении с бескрайней Вселенной и на огромную скорость, с которой Земля движется в космосе («Земля рассекает пустоту космоса так быстро, что задумываться о потомках нет никакого смысла: будущее слишком неясно и неопределенно»), или свой собственный инвариант вида «Земля как несовершенный космический корабль» («Пора оставить Землю позади, освоить другие планеты и воскресить наших дедов»)? Такая картина мира представляет собой *альтернативную интерпретацию метафоры*, одну из многих, содержащихся в ней в качестве возможных виртуальных уточнений (сам Анкерсмит, интерпретируя предлагаемую метафору, работает скорее не просто с Землей как космическим кораблем, а с Землей как космическим *кораблем поколений*, который летит к цели столетиями и потому требует ответственного отношения к себе со стороны сразу нескольких поколений экипажа).

Таким образом, метафора (по крайней мере, в анкерсмитовской интерпретации) неспособна сделать порождаемую ей познавательную классификацию однозначной, как того требует тезис о гомологии трансцендентализма и метафоры. Она включает сразу несколько альтернативных картин мира. И хотя их список все же конечен, сама метафора содержит в качестве своих возможных уточнений сразу несколько взаимоисключающих познавательных классификаций («Космический корабль движется со скоростью света — нам плевать на будущие поколения!» / «Космический корабль — это корабль поколений. Мы должны заботиться о его сохранности, чтобы однажды наши правнуки долетели до цели»). Следовательно, несмотря на традиционное представление о метафоре как о перспективе или точке зрения, она выступает порождающей инстанцией в отношении перспектив или точек зрения.

Именно в этом смысле метафора способна творить различие *ex nihilo*: вопреки тому, что само ее содержание как континуума перспектив может быть сведено к условиям ее возникновения, в характере развертывания и актуализации этих перспектив находится радикальная *произвольность* — в метафоре соположены взаимоисключающие картины мира, которые могут быть

19. Там же. С. 83.

произвольно актуализированы вне зависимости от условий своего возникновения. В этом смысле она продуктивна и одновременно размыта, неявна, несводима; для метафоры производить различие из ничего — значит нести в себе больше одной познавательной конфигурации, противоречащей иным, притом их актуализация не зависит от условий возникновения самого набора таких конфигураций. Актуализация тех или иных заложенных в метафору интерпретаций *акаузальна*, неоднозначна до контингентности и не имеет отношения к классическим схемам прямой или замещающей причинности: если она и порождает порядок, то этот порядок *странен*, непостоянен и нестабилен. Метафора в той же мере *дестабилизирует* (расшатывает, делает неопределенными и противоречивыми системы концептов), в какой *конденсирует* (создает, индивидуирует) их из контингентного хаоса своих виртуальных интерпретаций. Механика работы и развертывания такой амбивалентной агентности метафоры, колеблющейся между полюсами конденсации и дестабилизации, может быть проиллюстрирована и уточнена на примере трансфера концепта чужой феноменологии Иена Богоста в онто-картографическую систему Леви Брайанта.

Чужой против техники

Обычно метафору описывают как перспективу или точку зрения: Деррида характеризует способность концепта метафоры:

...описывало бы этот контур [метафоры как слепой зоны философской системы], но нет никакой уверенности в том, что оно очерчивало бы при этом некий организующий центр; этот формальный закон действует для каждой философии²⁰.

Такое представление о метафоре как о ключевом, характерном для философии средстве описания мира, которое, с одной стороны, позволяет встать на некоторую точку зрения, а с другой — скрывает от мыслителя основания этой точки зрения, упускает из виду множественность перспектив, скрытых в метафоре; для Деррида одной из основных причин такого положения дел (эту точку зрения мы назвали *перспективистским* взглядом на метафору) служит положение, согласно которому

20. Деррида Ж. Поля философии / Пер. с фр. Дм. Кралечкина. М.: Академический проект, 2012. С. 264.

...философ никогда не найдет в концепте чего-то, чего он до этого в него не вложил, или, по крайней мере, чего-то, чего, как он считает, он не вложил в него в качестве философа²¹.

Подобное прочтение метафоры синонимично трансценденталистскому взгляду: обращение философа к метафоре для Деррида сводится к жесту нахождения *однозначной*, непротиворечивой и единственной картины мира, пусть и проблематичной в вопросе своих границ.

Однако, как показано выше на примере метафоры Земли как космического корабля, в первом приближении метафора оказывается множественной: в ней всегда можно найти *что-то, что философ в нее не вкладывал*, — альтернативную интерпретацию, точку зрения или перспективу, конфликтующую с уже актуализированными с помощью этой метафоры картинами мира. Этот антиперспективистский или, если угодно, мультиперспективистский тезис предполагает, что метафора, не будучи сама одной из точек зрения, выступает для них порождающей инстанцией, а ее способность действовать сопряжена как раз с ее познавательной продуктивностью, выраженной в ее неоднозначности.

В этом смысле именно мультиперспективистская реинтерпретация концепта метафоры может прояснить вопрос центра системы концептов: если метафора функционирует в качестве порождающей инстанции по отношению к концептам и от нее зависят их возможные соположения и конфигурации, то именно ее можно было бы назвать «центром». Проблема заключается в том, что метафора — это *странный* центр, одновременно гарантирующий упорядочивание мира системой концептов и подрывающий сам себя, когда предоставляет альтернативную интерпретацию реальности из глубины уже произведенной системы концептов. Для иллюстрации неоднозначности работы метафоры в качестве порождающего механизма теории обратимся к случаю трансфера концепта *иной феноменологии* из системы Иена Богоста в онтокартографию Леви Брайанта.

Брайант стремится максимально отмежеваться от возможных метафорических коннотаций, связанных со словом «машина» в естественном языке, и называет в качестве «предрассудков относительно машин» три характерные черты, которые не являются необходимо присущими машинам в машинно-ориентированной

21. Ibidem.

онтологии: негибкость²², преднамеренную сконструированность²³ и утилитарность²⁴. Этого жеста внимания к собственному языку недостаточно, чтобы полностью избавить язык онто-картографии от технической метафоры: на смену повседневному техническим коннотациям на следующем шаге конденсации системы онто-картографических концептов приходит более узкая метафора цифровой техники, которая объединяет разнородные, на первый взгляд, концепты онто-картографии. Так, ключевой для этой теории концепт машины обрастает производными различительными фигурами — «вводом-выводом»²⁵, размечающим характер поступления в машину и выхода из нее разнообразных «потоков»²⁶ в результате специфичных для каждой машины «операций»²⁷. Сам Брайант, описывая онто-картографию как «фреймворк»²⁸, намеренно делает акцент на том же понимании этого слова, которым оперирует современная *computer science*, и одновременно апроприирует концепт «портирования» Адама Миллера, также фундированный метафорой цифровой техники:

Она [онто-картография] не указывает на то, какими политическими поводами мы должны быть захвачены, как нам следует поступать или какую этическую систему защищать, но скорее пытается очертить онтологический фреймворк, внутри которого политические и этические вопросы могут быть заданы. Не так давно Адам Миллер предложил концепт «портирования» для описания такого типа теоретизирования. В программировании портирование представляет собой процесс переписывания программы для того, чтобы она смогла работать в чужеродной программной среде. Моя надежда состоит в том, что целый спектр политических позиций... может быть портирован во фреймворк онто-картографии, порождая новые формы политической практики и исследования мира²⁹.

Различительная консистентность — подчиненность концептов одной корневой метафоре и непротиворечивость границ произведенной различительной системы — онто-картографии на этом

22. *Bryant L. Onto-Cartography. An Ontology of Machines and Media. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. P. 15–17.*

23. *Ibid. P. 17–23.*

24. *Ibid. P. 23–25.*

25. *Ibid. P. 6.*

26. *Ibid. P. 9.*

27. *Ibidem.*

28. *Ibid. P. 8.*

29. *Ibidem.*

этапе не вызывает сомнений. Концепты оказываются подкреплены той системой различений, которую имплицитно метафора цифровой техники: взаимная связь концептов машины, ввода-вывода, операции и дискретного потока фундирована представлением не просто о технике, а именно о цифровой технике; «машина» намечает общую техническую метафорическую рамку, концепт «ввода-вывода» во многом совпадает с идеей устройств ввода и вывода в архитектуре фон Неймана как модели хранения данных в памяти компьютера; «операция», дискретная и потому рассекающая «поток» на дробные элементы, отсылает к Машине Тьюринга как умозрительной модели алгоритмической работы компьютера. Более того, даже включение концепта портирования в самописание онто-картографии не создает теоретического конфликта, так как «портирование» рождено в границах того же самого *метафорического фона*.

В случае онто-картографии такая консистентность метафорического фона достигается не только за счет логической согласованности концептов между собой («операция» концептуально предполагает «машину», «машина» — «ввод-вывод», «ввод-вывод» — «поток», «поток» — «операцию»), но и в силу того, что «слепая зона» метафоры («всякий объект как объект цифровой техники, такой же дискретный, алгоритмичный, частично закрытый от мира, как и компьютер»), судя по всему, находится как раз в регионе цифровой техники: ее не касается Брайант, анализирующий бюрократические системы³⁰, траву³¹ и раков-богомолов³².

Наша гипотеза заключается в том, что такое невнимание онто-картографии к цифровой технике в качестве объекта анализа вкупе с эксплицитной попыткой отмежеваться от технической «машинной» метафорики аналоговой техники — вовсе не случайное совпадение: для онто-картографии критически важно сохранить регион цифрового неописанным, чтобы черпать из него ресурсы для конденсации концептов, описывающих объекты мира.

Брайант руководствуется двумя концептуальными ставками: онто-картография должна функционировать в качестве универсальной философской системы и, шире, теоретического фреймворка для иных родственных ей теорий, и она должна решать кан-

30. Ibid. P. 29.

31. Ibid. P. 66.

32. Ibid. P. 54.

тианский вопрос о доступе к вещи-в-себе так, чтобы результат этого решения был маркирован как принадлежащий к традиции спекулятивного реализма:

Пока мы ищем способы понять поведение и действия других машин, включая людей, мы должны помнить, что, возможно, они откликаются на типы раздражителей, которые мы сами не способны воспринять³³.

Иными словами, онто-картография *должна* обеспечить познание закрытых для непосредственного наблюдения машин-в-себе³⁴. Для уточнения характера такого познания Брайант привлекает концепт наблюдения второго порядка Никласа Лумана³⁵ («изучай то, как познает объект изучения»), утверждая, что если мир составлен из машин, машины представляют собой системы операций, а операции — это в том числе и акты восприятия, то познание машины возможно как познание системы операций. Но как познать другую машину, если, также будучи машинами, мы неспособны схватить иную систему операций во всей ее целостности?

Для решения этого вопроса Брайант имплантирует в систему онто-картографии концепт *чужой феноменологии*, разработанный Иеном Богостом в рамках его собственной системы и имеющий отличный от прежнего консистентного метафорического фона онто-картографии *метафорический след* — результат *авторизации* концепта метафорой, систему различений, которую концепт

33. Ibid. P. 200.

34. Для описания такой границы между машиной и миром (который в системе Брайанта также составлен из различных машин) Брайант использует концепты структурной открытости и операциональной закрытости. Машина структурно открыта: это значит, что она принимает на «вход» (шире — воспринимает) только определенные типы потоков. Так, бюрократическая система способна считывать только текстовые формы, заполненные по определенной, регулируемой правовыми актами программе. Машина также операционально закрыта: это значит, что машины, которые контактируют с ней, считываются ею как потоки (поток — это имя машины, вступившей во взаимодействие с другой машиной в асимметричной позиции *воспринимаемого*), и воспринимающая машина не способна познать их в целостности их системы операций. По нашему мнению, взаимодействие концептов структурной открытости и операциональной закрытости представляет собой слабо отличающийся от кантианского способ сформулировать проблему «вещи в себе». Подробнее см.: Ibid. P. 54–62.

35. Ibid. P. 62.

в случае своего трансфера в иную теорию «протаскивает» за собой из родного ему метафорического фона.

Авторизация — характеристика, становящаяся видимой в конфликте метафор: концепт иной феноменологии *авторизован* не цифровой, но другой метафорой — фигурой Чужого, помещенной во всякий объект мира и превращающей любые знакомые человеку объекты в инопланетные артефакты³⁶. Метафора всякого объекта как инопланетного артефакта присутствует в системе Брайанта в виде результата трансфера концепта чужой феноменологии в онто-картографию, что глубоко проблематично. Нестыковка связана с концептуальными ошибками этого трансфера: сам Богост отрекается от науки как эффективного способа познания чуждого в объектах повседневности, утверждая, что «понимать, как какая-то вещь функционирует, не значит понимать, как она воспринимает свои операции»³⁷, и солидаризуется с Грэмом Харманом, описывая метафору как основную познавательную рамку чужой феноменологии³⁸ (изначально конструируемой как раз для познания цифровой техники³⁹), в то время как Брайант делает с концептом чужой феноменологии нечто иное. Утверждая, что операция («функционирование» в словаре Богоста) как раз и представляет собой акт познания, Брайант описывает чужую феноменологию как способ описания операций машины, приветствующий в целом синонимичный способ, которым оперирует наука (Брайант упоминает использование «инструментов улавливания невидимых для нас потоков ультрафиолета и радиации, а также познания в оптике и физиологии»⁴⁰):

Чужая феноменология, наблюдение второго порядка или этология стремятся определить потоки, которым открыта машина, так же, как распознать характер операций самой машины при обработке этих потоков. Вопросы чужой феноменологии — это вопросы «Каким потокам машина структурно открыта?», «Как машина обрабатывает эти потоки, когда они проходят через нее?», «Как выглядит мир для этой машины?» и «Какие явления возникают в машине, когда потоки проходят через нее?». К примеру, чужой феноменолог, изучающий летучую мышь, бу-

36. *Bogost I. Alien Phenomenology, or What It's Like to Be a Thing.* Minneapolis, L.: University of Minnesota Press, 2012. P. 20.

37. *Ibid.* P. 63.

38. *Ibid.* P. 67–68.

39. *Ibid.* P. 9–11.

40. *Ibid.* P. 63.

дет заинтересован в том, как мышь обрабатывает звуковые потоки — в том числе потому, что летучие мыши во многом воспринимают мир благодаря своим сонарам, — и какое значение эти потоки будут иметь для мыши, когда она охотится и перемещается по миру⁴¹.

Такая точка зрения на первом шаге не несет угрозы для универсальности онто-картографии или ее попыток решить кантианский вопрос, однако концепт чужой феноменологии, перекодированный из операнта метафорического познания в оперант инструментального познания, позволяет онто-картографу увидеть основания собственной теории, задавшись вопросами: *Как познает мир цифровая техника? В каких уникальных для нее категориях она функционирует? Какие операции она совершает и какие потоки она воспринимает?* Чужая феноменология, понятая как искусство метафорического познания, не дала бы на них прямого ответа. Чужая феноменология, понятая как искусство инструментального наукообразного описания операций, отвечает на них, перечисляя в качестве категорий познания отдельного класса объектов (цифровой техники) все уже присутствующие в онто-картографии универсальные категории: «ввод-вывод», «операция», «дискретный поток информации», «машина». Таким образом, концепт чужой феноменологии, обладающий иным метафорическим следом, в результате авторизации вторгается в систему различных онто-картографии и позволяет ей увидеть «слепую зону» цифровой метафоры, тем самым подрывая претензии онто-картографии на универсальность и окончательное решение кантианского вопроса, высвечивая онтологический регион, недоступный для онто-картографической аналитики.

Суть этого конфликта — в столкновении метафор, в котором концепты становятся орудиями: в качестве сингулярной единицы философского текста каждый из них авторизуется одной или несколькими метафорами как совокупностями неоднородных и противоречивых картин мира. Связывающие их отношения произведены метафорой или метафорами, создавшими те, а не иные концепты. В этом смысле вопрос о центре системы концептов должен быть переформулирован: по отношению к ним метафора, с одной стороны, выступает оператором упорядочивания (во многом именно от нее зависит объединяющий концепты порядок, делается возможным упорядочивание мира)

41. Bryant L. Op. cit. P. 62.

и, с другой стороны, функционирует в качестве оператора хаотизации (всегда несет в себе заряд контингентности, акаузальна в множественности собственных интерпретаций и способна вторгнуться в чуждую ей систему концептов, чтобы ее разрушить). Не бывает централизованных или децентрализованных систем мышления — все они фундированы метафорами или метафорой, а потому одновременно одомашнивают мир и остраивают его.

Такая фокусировка внимания на конфликтах метафор меняет масштаб: если не логические, но *различительные конфликты* возможны и являются эффектом агентности метафоры, способной на одновременное поддержание режимов конденсации, дестабилизации и авторизации, то как они могут быть рассмотрены и описаны? Как возможна рефокусировка взгляда, в которой история конфликтов метафор становится различима и схватываема?

Вопросы стратиграфа

Стратиграфия — раздел геологии, исследующий возраст слоев горных пород и их взаимное расположение. Когда внимание мультиперспективиста смещается с метафорического конфликта, локализованного в конкретном тексте («Онто-картографии» Брайанта, «Человеке-машине» Жюльена Ламетри, «Правилах социологического метода» Дюркгейма — не так важно), к точкам взаимодействия метафор в корпусах текстов, истории мысли, людей и вещей, он непременно становится еще и стратиграфом. Интерес такой стратиграфии концентрируется на возникновении, смерти, восстановлении в правах, условиях выживания и гибели тех или иных метафор. Метафоры, как и системы концептов, существуют во времени, хотя само современное понимание линейного времени, по замечанию Джорджа Лакоффа, порождено еще одной метафорой, которая когда-то была иной⁴². Часто система концептов переживает метафору (как это произошло с математическими решениями Диофанта⁴³, оказавшимися

42. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2003. P. 66.

43. «Аргумент Блур, состоящий в выявлении стилистических вариативностей в достижении математических решений, служит только выявлению их общего ядра: в то время как Блур отмечает различия и вариативности использовавшихся методов, он игнорирует ошеломляющую регулярность решений, произведенных с помощью этих методов. Несмотря на это, ре-

схватываемыми изменившейся в XVI веке метафорической системой математического знания), равно как и метафора способна пережить вышедшую из употребления систему концептов (так, задолго до Латура Ламетри использовал техническую метафору для описания человеческого тела⁴⁴). В этой точке мультиперспективистская стратиграфия расходится с геологической. Если для последней верен закон напластования («чаще всего, если геологический слой расположен выше, он моложе»), то актуализация той или иной метафоры в качестве порождающей концепты инстанции не связана только с ее положением во «времени» других метафор.

История таких очагов неопределенности слоиста, но не линейна. В ее рамках концепты способны кочевать из одного метафорического фона в другой. Так, обращение Латура к Габриэлю Тарду позволяет ему переописать тардовскую концептуализацию ассоциации в терминах технической метафоры, подавив ее метафорический след⁴⁵.

Таким образом, с течением времени метафоры апроприируют концепты, порожденные другими метафорами, а концепты кочат из одного метафорического фона в другой, необязательно обладая метафорическим следом, который позволил бы им дестабилизировать систему видимого и невидимого в «принимавшей» системе концептов. Ключевым в этом описании оказывается, однако, не тезис о наследовании концептов: на наш взгляд, сама процедура метафоризации предполагает, что метафора оперирует уже данными в ней системами различений. Сопологать чужеродное, соизмерять несоизмеримое, соотносить несоотносимые единицы классификаций — в этом и состоит процедура метафоризации. Биологические экосистемы не имели ника-

шения Диофанта, предложившего конкретные алгебраические решения, а не общие методы решения задач, описываются как проявление формы математического мышления, так же отличающейся от нашей, как «мораль или религия другой культуры отличается от морали или религии нашей культуры», несмотря на то что диофантовские решения задач не нарушают логику и не несут в себе математических ошибок... На его (Блура) взгляд, «возникновение одних и тех же результатов внутри „альтернативных математик“, — то есть нашей математики и математики Диофанта, — коренящихся в разных сообществах, должно пониматься не иначе как чудо» (*Archer M. Culture and Agency. The Place of Culture in Social Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 115*).

44. Ламетри Ж. О. Человек-машина // Соч. М.: Мысль, 1976.

45. Жихаревич Д. Послесловие. Сеть и пена. Спекулятивная социология Г. Тарда // Тард Г. Монадология и социология. Пермь: HylePress, 2016.

кого отношения к повседневным представлениям о городе, что не остановило Роберта Парка и Эрнста Бёрджесса от исследования города как экосистемы. Вырвать два объекта из различных систем метафорических классификаций — значит породить еще одну метафору.

Процедура «понимания и переживания одного рода вещей в терминах другого рода вещей»⁴⁶ предполагает заимствование логики объяснения из уже присутствующей в мире классификации:

...если улицы города подобны кровеносной системе, то пешеходы должны перемещаться по ним свободно, как корпускулы бегут по артериям и венам⁴⁷.

Метафора, таким образом, вменяет определенной «принимающей» системе понятий набор каузальных связей, присущий «гостевому» познавательному порядку: на этом этапе она остается в рамках «преданных» систем различий и не творит порядка *ex nihilo*. Но не трансформирует ли процедура метафоризации «принимающую» систему причинностей (в особенности в отношении теории) настолько, чтобы возникшую в результате метафоризации систему понятий можно было счесть отдельной познавательной классификацией с собственным каузальным порядком? Так рождаются самостоятельные теоретические языки, способные к описанию или объяснению мира: предложенная Чикагской школой метафора города как экосистемы, развертываясь и заостряясь в процессе конденсации концептов, превращается в метафору города как экосистемы растений⁴⁸. По замечанию Андрея Кузнецова,

...именно в экологии растений наиболее четко (в отличие от экологии мобильных животных) проявляются границы между сообществами (колониями растений), и именно в экологии растений в большей мере проблематизируется пересечение, нарушение, передел этих границ. Экология растений как модель социальных процессов позволяет чикагцам поставить мобильность в центр своего внимания и в то же время не принять ее как нечто само

46. Lakoff G., Johnson M. Op. cit. P. 7.

47. Сивков Д. Иммуниет в камне: архитектурная теория Петера Слотердайка // Социология власти. 2014. № 2. С. 43.

48. Парк Р. Экология человека // Теоретическая социология: антология: В 2 ч. М.: Университет, 2002. Ч. 1. С. 171–184.

собой разумеющееся, непроблематичное, а тщательно исследовать условия ее возможности⁴⁹.

Этот жест позволяет чикагцам сконденсировать систему концептов, обладающую объяснительной автономией и от повседневного понимания города, и от внутренних каузальностей биологической науки. Сконденсированная экологической метафорой система концептов в этом смысле обладает *каузальной автономией* от двух несоположимых познавательных классификаций, из столкновения которых она родилась.

Именно в этом смысле метафора акаузальна: акаузальность ее неоднозначности направлена «вовне», а та или иная интерпретация несет в себе потенциал для создания системы концептов, независимой от уже присутствующих в мире конфигураций причинных связей. Экологическая метафора апроприрует и различительную силу метафоры города как автономного, отделенного от мира пространства, которое позволяет гипостазировать его в качестве объекта исследования, и силу метафоры концепта «экосистемы» биологической теории, позволяющую применить к первому каузальные цепочки второго, создавая новую систему концептов.

Таким образом, логика описания конфликтов и прерывистых цепочек наследования метафор становится стратиграфической, а значит, топологической: история метафор становится историей наслаиваний, просачиваний, противоречивых наложений, пересечений, сгибаний и складок. В результате такой рефокусировки взгляда становятся видимы несколько вопросов, поиск ответов на которые критичен для уточнения и балансировки исследовательского аппарата мультиперспективизма. Кратко их можно перечислить так:

- вопрос об универсуме режимов агентности метафор;
- вопрос о среде;
- последний вопрос;
- вопрос о метафорическом основании последнего вопроса.

Вопрос об универсуме режимов агентности метафор

Метафора агентна. Она действует. Она *конденсирует* концепты, порождая сингулярные единицы философского высказывания,

49. Кузнецов А. Чикагская школа социологии города: к идентичности через границы // Социология города. 2010. № 3. С. 57.

она *дестабилизирует* их относительно упорядоченные конфигурации, разрушая связи между ними с помощью актуализации интерпретаций себя, противоречащих уже сконденсированным системам концептов, она *авторизует* концепты, кочующие из одного метафорического фона в другой, делая различимыми метафорические следы — пористые теоретические универсумы, системы различений, вменяемые метафорой концепту, поддающиеся теоретическому схватыванию только в ходе столкновения с концептами, авторизованными другими метафорами. Взаимный характер связи режимов агентности метафоры и каждый из них в отдельности требует прояснения.

Конденсация и дестабилизация — два полярных режима агентности метафоры. Конденсация — делёзовский удар молнии, индивидулирующий, создающий и фигуру, и фон⁵⁰, выхватывающий из нескольких соположенных метафорических порядков концепт («метафора как конечный континуум перспектив»), комический эффект («Российская академия наук как зоопарк») или неопределенный познавательный избыток, не оформленный четкими границами («Жизнь подобна хлебу, чувак»). Именно конденсативный режим метафоры был ключевой точкой интереса перспективистской традиции — в ее рамках о нем упоминали Макс Блэк⁵¹, Джордж Лакофф⁵², Франклин Анкерсмит⁵³. Конденсировать — значит делать возможным по-

50. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. С. 151.

51. «Конечно, метафоры опасны — и, возможно, наиболее опасны в философии. Но запретить их использование — значит намеренно ограничить способности нашего разума к поиску и открытию» (Блэк М. Метафора // Теория метафоры: Сб. / Под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 168).

52. «Наша обыденная концептуальная система, в терминах которой мы думаем и действуем, фундаментально метафорична по своей природе» (Lakoff G., Johnson M. Op. cit. P. 3).

53. «Говоря в целом, метафора весьма эффективна в организации знаний способами, которые могут обслуживать наши социальные и политические цели (и это также объясняет, почему социальный, политический и, следовательно, исторический миры являются приоритетной сферой метафоры). Возможно, что метафора вообще есть наиболее мощный лингвистический инструмент, который мы имеем в нашем распоряжении для преобразования действительности в мир, способный адаптироваться к целям и задачам человека. Метафора «антропоморфирует» социальную, а иногда даже физическую реальность и, осуществляя это, позволяет нам в истинном смысле этих слов приспособиться к окружающей действительности и стать для нее своими. И наконец, что является даже более важным, сама способность метафоры превращать незнакомую дей-

знание, производя различающие и упорядочивающие реальное механизмы. В фокусе внимания вышеперечисленных авторов находились случаи бесперебойной, однозначной и определенной работы таких сборок: мультиперспективистская же оптика позволяет рефокусировать взгляд, сделав видимыми случаи их поломок. Конечны ли конденсативные ресурсы? Возможно ли предположить существование *предела конденсации*, в котором способность метафоры к генерации объектов и инструментов мысли иссякает? Если он возможен, то как он может быть зарегистрирован («как нужно смотреть, чтобы различить следы мертвой метафоры?»)?

Даже если он невозможен, возможность его существования стоит держать в уме: именно предположительное присутствие предела конденсации позволяет сделать видимым проблематичность связи конденсативного и дестабилизативного режимов. Если конденсация — это создание, а дестабилизация — это столкновение противоречащих сконденсированного *только что* и сконденсированного *пораньше*, то именно дестабилизация как возможность внутренней проблематизации метафорой самой себя становится условием ее конденсативной продуктивности. Благодаря дестабилизативному режиму в метафоре всегда становится реальным *что-то еще*, противоречащее уже оформившемуся порядку описания и объяснения и не позволяющее ресурсам конденсации иссякнуть. Отсюда вопрос: не сливаются ли конденсативный и дестабилизативный режимы воедино? Уточняя вопрос, выводя его из методической плоскости: возможны ли *только-конденсирующие* и *только-дестабилизирующие* метафоры?

Это часть вопроса о взаимосвязи режимов агентности метафор. Незатронутым остался режим авторизации, стоящий особняком от полярных конденсации и дестабилизации: именно он делает возможной стратиграфию, изменяя масштаб и переводя фокус взгляда с внутренней жизни одной метафоры на столкновение нескольких. Замыкает ли он универсум режимов агентности метафоры? Возможны ли следующие за этими тремя дополнительные режимы агентности, которые вскрывали бы иные особенности ее функционирования?

ствительность в знакомую: метафора всегда предоставляет нам возможность рассматривать менее известную систему в терминах более известной. Проникновение в истину — сущность метафоры» (Анкерсмит Ф. Р. Указ. соч. С. 85).

Вопрос о среде

Вопрос о среде — слегка параноидальный вопрос. Стратиграфическое описание предполагает, что метафоры находятся в весьма специфических отношениях с миром. Строго говоря, вопрос о среде — это вопрос о несводимости метафоры и ее отношения с редукционизмом. Он может быть задан в двух режимах: оборонительном и наступательном; в одном случае необходимо защитить метафору от редукции к иным организующим началам и субстратам, в другом — прояснить характер ее наступления на другие типы объектов.

Хватает ли способности метафоры к неоднозначной реинтерпретации самой себя для удержания собственной несводимости, а значит, и агентности? В какой мере эта контингентная неопределенность, питающая дестабилизативный режим агентности, каузально независима от множества возможных внешних законов вроде «структурной необходимости поля», «природы человеческой психики», «исторической необходимости», «социальной морфологии» и прочих способов редуцировать механику ее работы к иным причинам? Возможно, это не самый важный вопрос, но вопрос, который стоит задавать первым, когда речь заходит о стратиграфии: если метафора окажется сводима к чему-то, кроме самой себя, ее агентность будет подорвана и превращена в эффект работы другого типа (типов) объектов — как разрешить это напряжение?

Один из возможных способов решения этой проблемы — взглянуть на историю мысли как на историю поломок; языки описания постоянно ломаются, проверяются на прочность и оказываются самопротиворечивы. Они вовлечены в ряд непрекращающихся попыток описания или объяснения мира: эти попытки никогда не оказываются успешными в полной мере, а война между языками не прекращается. Не является ли в этом случае такое актуально неопределенное положение реальности (реальностей) знаком того, что среда, обрамляющая метафорические конфликты, сама является контингентной, метастабильной в духе Жильбера Симондона⁵⁴ и в этом смысле неспособной предоставить конечный и четкий ответ на вопрос о тотальной редукции метафоры к чему-то, кроме нее самой? В таком случае союзниками

54. *Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'informati-
on. Grenoble: J. Millon, 2005. P. 234.*

стратиграфии становятся демонология⁵⁵ и спекулятивный материализм⁵⁶: для них также верен тезис, согласно которому из существования предела познания следует контингентность и неопределенность мира.

В случае такого решения оборонительного вопроса метафора переходит в наступление: теперь проблематичным оказывается ее статус как рода объектов среди объектов мира. Допускает ли стратиграфическая оптика существование иных типов объектов, оказывающих метафорам сопротивление: является ли термин «метафора» именем *еще одного рода вещей*, обладающим принудительной силой по отношению к концептам, теоретикам и другим типам объектов, которые при этом оказываются несводимы к нему? Или, возможно, мир оказывается настолько метафоричен, что в нем не остается ничего, кроме метафорических сборок и напряжений между системами концептов, инкорпорированных в структуру отношений материальных и нематериальных акторов? Решить вопрос о среде прямо сейчас нельзя: несмотря на это, ирредукционистский вариант ответа на него («метафора как вещь среди вещей») может оказаться познавательно продуктивным — он позволит сделать видимыми другие типы акторов, проверяющие метафоры на прочность.

Последний вопрос

Какой метафорой руководствуется стратиграфия?

Вопрос о метафорическом основании последнего вопроса

Может ли этот набросок метода быть применим к себе самому в духе требования рефлексивности сильной программы социологии знания?⁵⁷ В фокусе стратиграфа находятся способы производства и функционирования систем концептов, и не задать этот вопрос нечестно. Поиск ответа на него глубоко проблематичен: необходимо решить, *в каком времени* может быть написана исто-

55. Такер Ю. Ужас философии: В 3 т. Пермь: Гиле Пресс, 2017. Т. 1: В пыли этой планеты.

56. Мейясу К. Указ. соч.

57. Блур Д. Сильная программа социологии знания // Логос. 2002. № 5–6. С. 5.

рия метафор. Если метафоры производят также и темпоральные режимы, какое *время* можно использовать для расчерчивания генеалогии и взаимной связи метафор, следующих друг за другом и нелинейно вступающих друг с другом в конфликты? Какие метафоры питают концептуальный аппарат стратиграфии и какие из них являются в нем главными? Вступают ли они в конфликт? Возможна ли *иная стратиграфия*, фундированная иными метафорами и приводящая к иным выводам?

Эти вопросы — вопросы стратиграфа, неполные и неокончательные. Их детальное рассмотрение требует самостоятельного исследования. Вместе с тем они размечают рамку мультиперспективизма: как можно детализировать в описании или объяснении мир действующих метафор, которые представляет собой ассамбляж скрывающихся от самих себя, противоречивых и контингентных очагов мышления, подрывающих плоды собственной работы и благодаря этому длящих свое существование? Как, в конце концов, могло бы выглядеть эмпирическое стратиграфическое исследование?

Библиография

- Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-традиция, 2003.
- Блур Д. Сильная программа социологии знания // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 1–22.
- Блэк М. Метафора // Теория метафоры / Под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 153–172.
- Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998.
- Деррида Ж. Поля философии / Пер. с фр. Дм. Кралечкина. М.: Академический проект, 2012. С. 264.
- Жихаревич Д. Послесловие. Сеть и пена. Спекулятивная социология Г. Тарда // Тард Г. Монадология и социология. Пермь: Гиле Пресс, 2016.
- Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1999.
- Кузнецов А. Чикагская школа социологии города: к идентичности через границы // Социология города. 2010. № 3. С. 54–59.
- Ламетри Ж. О. Человек-машина // Соч. М.: Мысль, 1976. С. 183–244.
- Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015.
- Парк Р. Экология человека // Теоретическая социология: антология: В 2 ч. М.: Университет, 2002. Ч. 1. С. 171–184.
- Сивков Д. Иммуниет в камне: архитектурная теория Петера Слотердайка // Социология власти. 2014. № 2. С. 39–55.
- Такер Ю. Ужас философии: В 3 т. Пермь: Гиле Пресс, 2017. Т. 1: В пыли этой планеты.
- Харман Г. Четвероякий объект: метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Гиле Пресс, 2015.

- Archer M. Culture and Agency. The Place of Culture in Social Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Bogost I. Alien Phenomenology, or What It's Like to Be a Thing. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2012.
- Bryant L. Onto-Cartography. An Ontology of Machines and Media. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014.
- Gratton P. The Ecological Thought by Tim Morton // Speculations. 2011. № 1. P. 192–199.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2003.
- Morton T. Ecology Without Nature. Rethinking Environmental Aesthetics. Cambridge: Harvard University Press, 2007.
- Morton T. Realist Magic: Objects, Ontology, Causality. Ann Arbor: Open Humanities Press, 2013.
- Morton T. Sublime Objects // Speculations. 2011. № 2. P. 207–227.
- Morton T. The Ecological Thought. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2010.
- Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: J. Millon, 2005.

CONDENSE, AUTHORIZE, DESTABILIZE: MULTIPERSPECTIVISM AND STRATIGRAPHY

STEPAN KOZLOV. Researcher, VR Lab, ste.kozlov@gmail.com.
Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES), 3–5 Gazetny In, 125009
Moscow, Russia.

Keywords: metaphor; perspectivism; multiperspectivism; onto-cartography; stratigraphy; concept; system of concepts; dark ecology; agency; irreducibility.

The paper is both an exercise in multiperspectivist analysis of metaphors and an attempt to find a theoretical foundation for the possibility of such a procedure. The concept of speculative realist “decentered thought,” which is most clearly encapsulated in Morton’s dark ecology project, implicitly presupposes a thematization and problematization of the “center” of the conceptual system — a mesh that makes the order reproduced by it a solid and stable picture of a possible world. Appealing to the theory of metaphor allows one to fix on this tension, which arises not between philosophical theory and some “external world” but between the conceptual system and the possible existence of way of ordering its instances. This also solves two problems: first, via reconfiguration of the concept of the “center” of the conceptual system by inscribing a metaphor into it; and second, by invoking and reinterpreting the Ankersmit problem to endow metaphor with the ability to act while highlighting the basic modes of its agency. This interpretation diverges from the classical — perspectivist — conceptualization of metaphor as an operator of unambiguous order in a theory and turns the systems of concepts themselves into clots of multiple and ambiguous interpretations of metaphors that always reserve the right to be something else and not the same as before. The article tests and illustrates this multiperspectivism with the conflict of metaphors involved in the transfer of the concept of Ian Bogost’s alien phenomenology to Levi Bryant’s onto-cartography system.

The final part of the article elaborates a multiperspectivist stratigraphy project (an as yet non-existent branch of theory that would turn a metaphor into both an object and instrument of description and explanation) and also maps out points of uncertainty that, once overcome and clarified, would make such a stratigraphy possible. Why does the Other defeat Technology? Where has perspectivism failed? How is a history of metaphors possible if temporal regimes themselves turn out to be an effect of metaphorical operations? How can metaphors act? The article clarifies and details some answers to these and other questions.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-5-7-30

References

- Ankersmit F. R. *Istoriia i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor], Moscow, Progress-traditsiia, 2003.
- Archer M. *Culture and Agency. The Place of Culture in Social Theory*, Cambridge, Cambridge University Press, 1996.
- Black M. Metafora [Metaphor]. *Teoriia metafory* [Theory of Metaphor] (ed. N. D. Arutiunova, M. A. Zhurinskaia), Moscow, Progress, 1990, pp. 153–172.
- Bloor D. Sil’naia programma sotsiologii znaniia [The Strong Programme in the Sociology of Knowledge]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2002, no. 5–6 (35), pp. 1–22.

- Bogost I. *Alien Phenomenology, or What It's Like to Be a Thing*, Minneapolis, London, University of Minnesota Press, 2012.
- Bryant L. *Onto-Cartography. An Ontology of Machines and Media*, Edinburgh, Edinburgh University Press, 2014.
- Deleuze G. *Razlichie i povtorenie* [Différence et répétition], Saint Petersburg, Petropolis, 1998.
- Derrida J. *Polia filosofii* [Marges de la philosophie], Moscow, Akademicheskii proekt, 2012.
- Gratton P. The Ecological Thought by Tim Morton. *Speculations*, 2011, no. 1, pp. 192–199.
- Harman G. *Chetveroiakii ob'ekt: metafizika veshchei posle Khaideggera* [Quadruple Object: Metaphysics of Things after Heidegger], Perm, Hyle Press, 2015.
- Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Kritik der Reinen Vernunft], Moscow, Nauka, 1999.
- Kuznetsov A. Chikagskaia shkola sotsiologii goroda: k identichnosti cherez granitsy [Chicago School of Urban Sociology: Towards Identity Through Boundaries]. *Sotsiologiya goroda* [Urban Sociology], 2010, no. 3, pp. 54–59.
- La Mettrie J. O. *Chelovek-mashina* [L'Homme Machine]. *Soch.* [Works], Moscow, Mysl', 1976, pp. 183–244.
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*, Chicago, London, University of Chicago Press, 2003.
- Meillassoux Q. *Posle konechnosti. Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [Après la finitude. Essai sur la nécessité de la contingence], Yekaterinburg, Moscow, Kabinetnyi uchenyi, 2015.
- Morton T. *Ecology Without Nature. Rethinking Environmental Aesthetics*, Cambridge, Harvard University Press, 2007.
- Morton T. *Realist Magic: Objects, Ontology, Causality*, Ann Arbor, Open Humanities Press, 2013.
- Morton T. Sublime Objects. *Speculations*, 2011, no. 2, pp. 207–227.
- Morton T. *The Ecological Thought*, Cambridge, MA, London, Harvard University Press, 2010.
- Park R. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology]. *Teoreticheskaya sotsiologiya: antologiya: V 2 ch.* [Theoretical Sociology: Anthology: In 2 pts], Moscow, Universitet, 2002, pt. 1, pp. 171–184.
- Simondon G. *L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information*, Grenoble, J. Millon, 2005.
- Sivkov D. *Immunitet v kamne: arkhitekturnaia teoriia Petera Sloterdajka* [Immunity in the Stone: Peter Sloterdijk's Architectural Theory]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2014, no. 2, pp. 39–55.
- Thacker E. *Uzhas filosofii: V 3 t.* [Horror of Philosophy: In 3 vols], Perm, Hyle Press, 2017, vol. 1: *V pyli etoi planety* [In the Dust of This Planet].
- Zhikharevich D. *Posleslovie. Set' i pena. Spekuliativnaia sotsiologiya G. Tarde* [Afterword. Network and Foam. Speculative Sociology of G. Tarde]. In: *Tarde G. Monadologiya i sotsiologiya* [Monadologie et sociologie], Perm, Hyle Press, 2016.